

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ АРХЕОЛОГИИ

Изучены особенности подхода археолога к изучению и восприятию личностей прошлого – акторов истории и «маленьких людей» («микророль»). Представлены серия case studies на основе многолетних наблюдений автора и общий обзор работ по реконструкции персонажей в эпиграфике, антропологических и биоантропологических экспертизах, атрибуции артефактов. Сформулированы особенности «археологической личности» как фрагментарной, зависящей от исследовательского контекста, примененных методов и истории поисков.

Ключевые слова: исторические персонажи; археология; микроистория; эпиграфика; антропология; идентификация; историчковедение.

I... am not contain'd between my hat and boots
Walt Whitman, Song of Myself, 7

Задача статьи – указать на своеобразие подходов современной археологии к проблеме изучения и реконструкции образов людей прошлого. Эта тема в академическом дискурсе не представлена, но, несомненно, заслуживает внимания. Недавно два академических института поставили своеобразный эксперимент в виде совместной конференции. Оказалось, что археологическое изучение персонажей истории идет полным ходом. И, кроме того, есть существенные отличия в подходе к личности у историков и археологов, чья методика сложилась имплицитно, ее начали применять раньше, чем осознали как самостоятельный подход. Отсюда – задача описать и осознать особенности археологии как аналитического инструмента для изучения отдельных людей, оценить специфичность собираемых ею материальных свидетельств, ее возможность генерировать новые точки зрения и формировать собственную тематику [1].

Статья построена как серия *case studies* – они помогут выделить и описать отличия, которые личность обретает при археологической реконструкции. Материалом служат работы археологов, касающиеся Средневековья и Нового времени. Этот выбор отчасти определен базовой специальностью автора как археолога Московской Руси. Но не это главное – более существенно то, что именно поздние периоды истории человечества плотно населены персонажами прошлого. Их образы сформированы усилиями поколений исследователей на основе традиционных источников, но в последнюю четверть века их археологическое изучение дает огромный объем информации, обеспечивая широкую возможность сравнения методов и результатов. Далее этот период особенно важен для истории России как для страны молодой (по крайней мере, с точки зрения археолога). Наконец, поздний период лишь недавно признан равноправным в незримой иерархии археологических направлений, а потому актуален для развития нашей науки – молодые структуры (отдел археологии Московской Руси в Институте археологии РАН; Лаборатория археологических и этнографических исследований Западной Сибири в ТГУ и др.) сейчас заняты выработкой своей проблематики.

В разные эпохи отношение к персонажам прошлого неодинаково, но вопрос о них всегда стоит на одном из первых, если не просто на первом, месте. Со-

крат, устами софиста Гиппия, отметит, что с особым удовольствием слушают «рассказы о далеком прошлом...», т.е. «о генеалогии героев и людей... об основании колоний, о том, как в старину основывались города» [2. С. 13]¹. Рассказы о городах, как и все описания ойкумены, также заполняют исторические персонажи, а родословные еще древнее – они известны ранней письменности Ближнего Востока и Египта [3], а роль отношений божественной «сверхличности» с действующими земными персонажами Священной истории просто огромна. Классический мир дал исключительно яркие образцы исторического повествования на базе сравнительных жизнеописаний (Плутарх), деяний избранной личности (Ксенофонт и его «Киропедия»; бесконечный ряд «Александрий») и нарративов, построенных как последовательность биографий (Тит Ливий, Светоний). Выработанный в Средние века тип исторического повествования в анналах, летописях и даже сагах следовал линиям династий и семей, в то же время формируя агиографию. Эпоха Возрождения включит в состав акторов художников и перечисление их творений, что надолго станет главным приемом историка искусства.

Следуя этой линии, наука Нового времени создаст шедевры исторических биографий, где документальные исследования помножены на литературную работу. В России это Н.М. Карамзин и наследующая его школа. Но и в сочинениях, нивелирующих роль личности в истории за счет анализа иных движущих сил истории, вплоть до произведений «вульгарно-исторической школы», страницы личных судеб – самые яркие и долго сохраняющие значение, так же как и в советской историографии [4].

Искусство интуитивно повернулось к «малой истории» и «маленькому человеку» раньше, чем их увидела наука². Но во второй половине XX в. переворот совершился, и здесь для микроистории (особенно у *new cultural history* и в поздней школе «Анналов») приведение в известность хотя бы одной жизни, ранее науке неизвестной, способно очертить эпоху и процессы развития общества с такой четкостью и полнотой, какая недостижима при опоре на деяния государственных мужей, святых Средневековья и творческих личностей Нового времени. Особенно это касается «истории снизу», реконструкции социальной среды, семейного быта и всей той житейской основы, на которой и держится структура общества.

Параллельно повороту к историко-антропологическому подходу коренным образом изменился инструментарий: рядом с историей встала археология. Опираясь на собственные источниковедческие методы и привлекая естественные науки (такие, как исключительно быстро развивающаяся биоантропология [5]), она резко расширила возможности реконструкции жизни отдельных людей. Методика биоантропологической реконструкции способна осветить физическое развитие и питание, болезни и профессиональную специализацию конкретных людей. Их имена далеко не всегда неизвестны, но степень подробности, с какой восстанавливается их жизненный путь, растет, превосходя ожидания³.

Однако традиционно считается, что археолог сравнительно редко оказывается лицом к лицу с персонажем прошлого, что ему привычнее иметь дело с отчужденными от личностей предметами и комплексами сооружений, слоев и даже погребений. Посмотрим, так ли это.

Рассмотрим как первый пример анализ надписи на камне, найденном экспедицией ИА РАН в 2000 г. на азиатской стороне Керченского пролива, в Фанагории. Она читалась отчетливо и гласила: «Гипсикрат, жена царя Митридата, прощай» [6]. Из текста ясно, что камень – надгробный и принадлежал погребению жены царя Митридата. В задачу входило определить, о каком из Митридатов (а правителей с таким именем известно достаточно много) идет речь, и объяснить, почему имя жены написано в мужском роде, ведь ожидаемая форма – Гипсикратия.

Ответ на первый вопрос могла дать дата, но из обстоятельств находки она не следовала: камень найден в балластном заполнении деревянных клетей-ряжей морского порта Фанагории и может быть хронологически определен только в пределах даты строительства, в свою очередь, определяемой и по находкам в этом заполнении; палеографические же рамки довольно широки. Ответ на второй вопрос, при отсутствии иных объяснений, мог быть: «ошибка резчика».

Однако оба вопроса разрешились благодаря сопоставлению с давно известными сюжетами классической истории. О жене царя Митридата VI Евпатора, носившей имя Гипсикратия, мы знаем по жизнеописанию Помпея у Плутарха [7. Rom. 32.8]. Гипсикратия, любимая жена Митридата, происходила из племени амазонок и потому владела воинским искусством; она верхом сопровождала мужа в походах, выполняла обязанности ординарца, без усталости ухаживая за царем и его конем, и носила мужскую персидскую одежду. Так что царь звал её за храбрость Гипсикрат. Существует и уточняющий эпизод, объясняющий появление камня именно в Фанагории: в 63 г. до н. э. здесь произошло восстание против Митридата, о чем довольно подробно пишет Аппиан [8. Mithr. 108]. Гипсикратия погибла в бою или умерла позже.

Этот пример характерен для специальной исторической дисциплины, эпиграфики. Редкая деталь соединила эпиграф с литературным источником, позволив идентифицировать двух упомянутых в тексте персонажей, благодаря чему исторические нарративы прошли проверку, а надгробный камень получил точ-

ную дату. Археология в анализе занимает сравнительно скромное место: отвечает за контекст открытия, устанавливает подлинность камня путем визуального анализа и через описание ситуации находки, из которой можно вывести обстоятельства ее утраты в древности и / или вторичного использования. Но археологический контекст играет не служебную подчиненную роль. Он создает «продолжение» истории Митридата и Гипсикратии, развивает ее, усложняет и актуализирует, выделяя один из массы эпизодов, известных в античной литературе, и встраивая его в новый археологический нарратив, т.е. в общий контекст памятника, в историю строительства его портовых сооружений, в историю исследований города и в рассказ об экспедиционных открытиях. Это выводит персонажей из пространства текстов классиков и их комментаторов, позволяя начать посмертную жизнь⁴.

Отмечу, что такую (скажем, вспомнив Диккенса: *posthumous*) жизнь археология обеспечивает и тогда, когда все сведения о находке сводимы к простейшему уровню: приблизительной дате погребения и / или предмета; месту обнаружения; обстоятельствам работы той или иной экспедиции в некотором году. Если подставить в этот формуляр конкретную информацию, возникнет некоторое подобие личности. У нее нет еще биографии, но, по крайней мере, есть свой археологический паспорт.

Такая совершенно безымянная находка и надгробие Гипсикратии – две крайние точки. Что же находится между ними? Обратимся к позднему периоду. Здесь археология, постоянно добывая новые, подчас необычные письменные источники, привлекая для анализа эпиграфику, генеалогию, палеографию и другие специальные дисциплины, сплетаясь с ними, в конце концов, заставляет выступить из прошлого ранее известную личность. Время от времени она даже выводит ее в пространство литературы, придавая дополнительную реальность какому-нибудь помещику Оболенцеву, добавляя комментарий и к поэме Некрасова, и к анализу родовых росписей [9]. Для археологии это, в общем, рутинная процедура.

Однако можно ли представить ситуацию, когда личность реконструируют исключительно на основе ее собственных материалов, используя другие дисциплины, но предлагая более сложную версию подхода? Рассмотрим еще один эпизод с надгробиями. В 2016 г. при раскопках в Высоко-Петровском монастыре (Москва), к юго-востоку от алтаря монастырского собора автором были открыты *in situ* два надгробных камня, лежавшие строго один на другом. Надпись на верхнем фиксировала дату смерти инока: «Лет[а] 7020 (=1512) месяца июля 31 дня преставился раб Божий инок Федосий Исаков сын Окулинин волоченин на память святого праведного Евдокима». Она не вызвала удивления – кроме того, что буква в букву совпала с надписью на нижнем камне. Резьба в обоих случаях профессиональная, но на верхнем камне это провололочная вязь эпохи Иоанна Грозного, а на нижней красуется великолепный декоративный устав; соответственно отличается и орнамент [10].

Несомненно, обе плиты были положены над одним покойным; вторая, видимо, с целью закрепить и про-

длить память о нем. Это важная для источниковедения русских кладбищ находка: с середины XX в. археологи подозревали «москвитов» в изготовлении повторных эпитафий, но никак не могли поймать за руку. Когда в 1957 г. в Троице-Сергиевой лавре была найдена плита князя И.М. Воротынского, скончавшегося, согласно надписи, в 1535 г. [11], ее заподозрили в асинхронности и датировали на 100 лет позже, опираясь на орнамент [12]. То же произошло с плитой Елены (Девочкиной), первой игуменьи Новодевичьего монастыря, умершей в 1547 г. [13]. Но то были плиты действительно исторических личностей, чьи могилы почитали много десятилетий, их повторение можно объяснить.

Инок же Феодосий из Высоко-Петровского монастыря неизвестен другим источникам. Возможно, он, как и его «соседи по кладбищу», принадлежал «среднему классу» XVI в. (купцы и / или богатые ремесленники; служилые люди невысокого ранга; монахи, чье социальное происхождение не всегда известно, но достаточно высокое для того, чтобы получить место на престижном участке кладбища древнего московского монастыря). В 1980-х гг. отмечены парные плиты над могилой Конана Клементьева, кожевника, умершего в 1562 г. (нижняя плита без надписи, но явно грозненской эпохи, вторая – 1630–1650-х гг., но с датой 1562). Аналогичную пару образовали плиты Алексея Ергольского (обе середины – второй половины XVI в.). Теперь и плиты, не имевшие пары, но явно отличавшиеся по оформлению от стиля указанного на них года, опознаются как вторичные (плита инока Сергия сына Абрамова, умершего в 1499 г., но оформленная в стиле середины XVI в.) [14. ВПМ 4 и 5].

Итак, многие плиты со временем возобновляли. Более того, часть их делал одновременно один и тот же мастер: рядом с Феодосием лежал когда-то иннок Епифаний, умерший в один день с ним и тоже получивший два совершенно аналогичных надгробия: сразу после смерти в 1512 г. и в середине-второй половине XVI в. [Там же]. Одновременность смерти объясняет, почему их положили рядом, заказав сходные плиты. Но почему исключительно похожи и повторные плиты, видимо, также одновременные и сделанные одной мастерской? Между иноками, скорее всего, есть связь, но суть ее трудно уловить. Возможно, они были родственниками или друзьями, а в миру – и сослуживцами? Один из них – не москвич по происхождению, не земляки ли они? Плита инока Епифания сохранилась недостаточно, чтобы судить о его происхождении, но иннок Феодосий – «волооченин» (эта форма известна по Смоленской грамоте 1229 г. и договору Твери с Новгородом 1301–1302 гг. [15. Стб. 295: «волочане»]), т.е. выходец из Вышнего Волочка, Волока Славенского, Волока Ламского или, возможно, Иосифо-Волоцкого монастыря. В Высоко-Петровском есть еще плиты монахов из других монастырей (например, Никандра Звенигородского конца XVI в.), а возможность перехода из монастыря в монастырь фиксируют источники [16].

Дата смерти монахов, 31.07.1512 г., не указывает на известные катастрофы (пожары, нашествия, эпидемии – но ведь и заразная болезнь обычно не убивает

людей в один и тот же день). Допустим трагический эпизод, несчастный случай. А если так, то археология дает подсказку: под единственный сохранный угол первого надгробия инока Феодосия подложена «ножка» – примитивная, но вполне романская по происхождению база (капитель?) маленькой колонны. Это доказывает, что в 1512 г. в монастыре уже шло строительство первого каменного собора (освящен в 1519 г., закладку относили к 1514 г.) [17. С. 157–159]. Монахи могли быть его донаторами и / или мастерами, могли и пострадать при работах.

В этом эпизоде много нитей, ведущих к разнородным историческим сюжетам. Археология рождает вопросы, ответ на которые нужно искать в традиционных источниках и в дальнейших полевых исследованиях. Тут информационный узел сформирован не эпиграфикой и палеографией, но контекстом, стратиграфическим анализом с привлечением истории строительства [17. С. 159–171] (она дописана средствами натурального архитектурно-археологического исследования и декора плит, чья типология, в свою очередь, целиком опирается на материалы археологии). При этом в орбиту истории вводятся персонажи, ранее в ней отсутствовавшие, со своими, пусть очень маленькими, биографиями и новыми вопросами – а ведь именно это важно для микроистории.

Очень большой раздел в археологическом исследовании исторических личностей образует идентификация останков. Это направление старое, восходящее к средневековым поискам мощей и действительно близкое к работе детектива. Оно включает приемы контекст-анализа, всевозможные экспертизы и уже формирует собственную повестку дня и методику [18, 19]. Число успешных проектов только в XXI в. здесь достигает десятков. Назову два образца всесторонней реконструкции погребальных комплексов: некрополь XVIII–XIX вв. в московском Даниловом монастыре (автор, 2006–2007 гг.) и кладбище конца XIX – начала XX в. в Духовной академии в Троице-Сергиевой лавре (А.В. Энговатова, 2013 г.). До исследований они казались полностью разрушенными и неперспективными с точки зрения традиционной археологии.

В Даниловом монастыре полная реконструкция носила виртуальный характер и строилась на приемах фотограмметрии, но была использована для идентификации. Два ключевых погребения, места которых считались утраченными, – архиепископа Никифора Феотоки (+1800 г.) и писателя Н.В. Гоголя (+1852 г.) – удалось обнаружить и изучить. К инвентарю из погребения Феотоки применили музейную атрибуцию: 12 экспертиз позволили сузить дату найденных останков до интервала в 2–3 года, идентифицировав его абсолютно уверенно. История поиска и атрибуции оказалась существенным дополнением к хорошо известным томологическим сочинениям и биографии Феотоки и, кроме того, актуализовала и проиллюстрировала их [20. С. 17–38].

Не менее захватывающей оказалась работа с посмертными эпизодами биографии Н.В. Гоголя, давно вошедшими в историю культуры, вплоть до телесериалов и фольклора разных уровней (городские предания, мемуары, художественные и научно-популярные

сочинения). Хотя само погребение в 1930 г. было перенесено на Новодевичье кладбище, определение и исследование места старой могилы развеяло облака легенд: от темы «летаргического сна» писателя до рассказов о пропаже его черепа (они оказались реальностью, но без оттенка мистики) [20. С. 41–62].

Очевидно, историко-археологические идентификации не только проясняют туманные эпизоды жизнеописаний. Они дополняют их, образуя своего рода «продолжения рассказа» как о личностях известных, так и ничем ранее не примечательных или впервые открытых. Так, благодаря работам в Духовной академии в науку вошли образы ее неимущих студентов конца XIX – начала XX в., ранее известные только на уровне формуляра о поступлении или совсем неизвестные и внимания историков не привлекавшие. Конечно, новая информация была получена и о знаменитых ученых, профессорах той же Академии, что дало основания и для наблюдений из области социальной истории [21].

Совершенно особую роль в области археологической идентификации исторических персонажей играет расследование попыток «конструировать» их погребения. Эта тема исключительно остра, поскольку спорные (в лучшем случае, а чаще ложные, имитирующие, фальсифицирующие) атрибуции всегда вызывают бурную полемику, затрагивающую не одно научное сообщество, но и самый широкий круг людей, а также государственные и церковные структуры [22]. Так случилось, например, с останками князя Юрия Долгорукого [23], Андрея Рублева [24, 25] и совсем уж скандальным разоблачением «останков Ивана Сусанина» [26]. Причина обычно в том, что инициатива уходит из науки, и это ведет к нарушению ее принципов, ценой чего становится своего рода псевдоличность или, по меньшей мере, сомнительный, требующий многократных перепроверок результат.

Итак, археология играет ключевую роль в идентификации личностей прошлого, хотя сами исследования носят комплексный междисциплинарный характер. Она выступает не только как инициатор и организатор процесса, но и благодаря свойственному ей стремлению образовать из получаемых данных максимально насыщенный и разнообразный контекст, увеличить его ценность как самостоятельной информационной единицы, представить как ранее не существовавшую (или неразвитую) биографию. Именно поэтому в трудах по идентификации обычно так много места уделяется истории исследований (пример – изучение усыпальницы князей Пожарских в Суздале [27]).

Не сосредотачиваясь далее на сюжетах из области идентификации (они способны занять пространство не одной монографии), покажу еще один историко-археологический прием. Это переход к личности через связанные с ней предметы: ею или для нее изготовленные; находившиеся в собственности; подписанные или усваиваемые преданием, исключив из этого круга вышеописанные надгробия, эпиграфику и погребальный инвентарь.

Освещение судьбы и характера через вещи придумали, конечно, не археологи – этот прием хорошо

известен и в искусстве, прежде всего (но не только) в литературе, и в науке [28]. Но археологи работают с ними не только как вещеведы, занятые «внутренней критикой» изделий и их соотношением с письменными источниками. Археологический подход образует особый методический прием, в чем легко убедиться, рассмотрев находки, сделанные при раскопках (автор, 2009–2016 гг.) в Ново-Иерусалимском Воскресенском монастыре на р. Истре. Полученный материал, чрезвычайно обильный и разнообразный, рисует образ его основателя, патриарха Никона как увлеченного реформатора православной церкви, убежденного «модернизатора» ее культуры и художественных технологий своего времени. Некоторые находки прямо соотносимы с драматической личностью патриарха (см.: [29. С. 152–154]).

Так, в слое «Отходной пустыни» патриарха (его собственного, очень оригинального места молитвы и демонстративного отшельничества) был найден предмет необычного для России и ранее в археологии неизвестного типа. Это фляга из поливной керамики, внешне имитирующая небольшой томик *in octavo*, любимого формата «эльзевиров» [30]. Такие фляги были распространены в Европе XVI–XVIII вв. (Нидерланды, Германия, Австрия, Венгрия и др.) в основном как шуточные изделия, *das Teufels Gebetbuch* («чертов молитвенник»; такую роль они играли и в XIX–XX вв.). Предмет присваивается Никону не только через его связь со скитом, но и благодаря аббревиатуре ВМНІ, вынесенной на «обложку» (ее можно раскрыть как «Воскресенский монастырь. Никон» или, менее вероятно, «Воскресенский монастырь. Новый Иерусалим»). Это не только свидетельство впитывания элементов европейской культуры (примеров тому много) или тяги к необычным, экзотическим предметам (о ней говорят любимые вещи Никона: японская шляпная коробка, китайский чайник). «Книга» добавляет личности Никона исключительно важную черту, которой его образ был лишен: она соединяет его образ с миром карнавальной культуры и бурсацкого юмора, от которых легко перекинуть мост в XVIII в., к «всешутейшим соборам» царя Петра.

Другие находки в монастыре (личные вещи, такие как печать «старца Павла» конца XVII в.; надгробия; утраченные части собора) проливают на ранее неизвестных или остававшихся в тени творцов Нового Иерусалима новый свет, усиленный обширным, сложным археологическим контекстом.

Можно найти и гораздо более ранние примеры сохранения в слоях следов крупных исторических деятелей, такие как обнаружение печати Константинопольского патриарха Афанасия в Переяславле Залесском, где в 1309–1310 гг. проходило церковное разбирательство дела митрополита Московского Петра [31], или находки дорогой керамики XIV в. восточного происхождения (саладоновое блюдо из Китая, глазурованные чаши из Ирана или Золотой Орды, сосуд для хранения летучих жидкостей) в Зачатьевском монастыре конца XVI в. на Остоженке (Москва). В первом случае связь устанавливается довольно легко, так как печать именная, а место и время проведения суда известно из источников. С восточной керамикой во-

прос не так очевиден. Но раскопки доказали, что на месте монастыря, на Остоженке, за 200 лет до его основания существовал другой женский монастырь, названный источниками Алексеевским [32]. Это позволяет сопоставить находки с биографией основателя монастыря митрополита Московского Алексия – восточный материал мог отражать его связи с Золотой Ордой, в чьих землях он бывал неоднократно.

Подведем первые итоги. Ясно, что археология увлечена «диалогом» с личностью прошлого не меньше, чем остальные разделы истории. Но ее видение, ее контакт с этой личностью складывается на другой основе, иными методами.

Археология личности предстает перед нами как поставщик новых свидетельств о персонажах в их традиционных отражениях: эпиграфике, нумизматике, сфрагистике и вообще любых письменных или изобразительных памятниках (граффити, берестяные грамоты и др.). Уступая их для детального анализа палеографам, лингвистам и филологам, археолог сохраняет прерогативы фиксации и введения текста в науку, его первичного прочтения. Но главное, он отвечает за критический анализ контекста находки, за ее внешнюю (независимую от надписи, если она есть) датировку и атрибуции. При этом он охотно пользуется приемом, который можно назвать «вопрос простеца», и с его помощью индуцирует анализ силами коллег – историков. Так мне пришлось поступить после находки четвертой московской берестяной грамоты, в которой упоминался некий «Юрий с матерью», попросив коллег обратиться еще раз к проблеме средневековой ономастики и соотношения персонажей в источниках разных видов [33].

Это и есть характернейшая особенность археологии личности: она отделена от традиционного историко-психологического портрета, но тесно связана с источниковедческим контекстом. Она не замкнута пространством письменных свидетельств, но включена в многосоставную среду. Это всегда часть огромного пространства материальной среды – от природных явлений (окружающая среда, культурный ландшафт, «персональная топография» города и его сельской округи) до артефактов. Археолог видит личность через предметы и костные останки, в лабораторных анализах и в истории полевого поиска.

Кроме инвентаря и останков о личности говорит ее окружение: погребальное здание, подземные сооружения, вместилища (саркофаги) и надгробия. Мрамор, порфир и белый камень этих своеобразных хранилищ существуют для вмещения в себя личности и могут образовать своего рода археологическую мегаличность, мемориал, где сооружение есть прямая манифестация погребенного (заупокойный храм, мавзолей политических деятелей и др.). Но общий контекст может и не соотноситься с погребением, быть «случайным», что подчас делает его более важным, чем намеренно мемориальный (балласты кораблей, бытовые части фундаментов, мощения дорог и пр.). Говоря кратко, личность в представлении археолога совершенно неотделима от контекста, от своей среды.

Последнее особенно важно: археолог строит свой персонаж не как «типовой» историко-психоло-

гический портрет, а почти исключительно на основе им самим формируемых наблюдений. Побывав в руках археолога, личность расширяется за счет истории ее поиска и атрибуции и даже более: такая «личность» часто ими и ограничена. Здесь археологическая личность и личность изучающего ее историка, его труд (а они сами по себе части истории) взаимопроникают и трудноразделимы. Ведь археолог не столько использует готовый источник, сколько соучаствует в его создании, он зависим от методики, целеполагания, собственного опыта более, чем другие ученые по причине деконструкции первоисточника в ходе его изучения⁵ [34]. Поэтому, говоря об историографии как истории формирования «источника», археолог не в состоянии полностью отделить историческую личность и историю ее исследования. Часто именно эта история создает личность или значительно дополняет ее, заменяя изначально бледный очерк более ярким, пусть фрагментарным, персонажем историографии: такие личности, как Томас Бекет, Моцарт или Коперник, давно неразрывны с историей поиска (или конструирования) их останков в ходе «охоты за идентичностями». Можно ли сегодня отделить образ Иоанна IV от находок в его саркофаге и от реконструкции его облика, созданной Михаилом Герасимовым? Они – законная и достоверная часть нарратива грозного царя, а его стеклянный кубок так и просится в роман.

Среди важных сторон отношения археологов к личности – активная работа над восстановлением образов, не отразившихся в письменных памятниках, обычно безымянных личностей. Археолог с помощью антропологов и других специалистов наделяет тысячи безымянных скелетов на «поздних» кладбищах подобием анкеты (пол, возраст и эпоха, род занятий, физические особенности и многое другое), а подчас и чертами, важными не только для демографии и социального портрета, но и для генеалогии, просопографии и других дисциплин, имеющих дело с конкретными лицами истории. С середины XX в. эта работа часто включает визуальное портретирование (в буквальном смысле слова – графическую и трехмерную реконструкцию внешнего облика, сейчас обычно компьютерную; один из важных приемов и результатов идентификации) как известных, так и безымянных персонажей.

Впрочем, в традиционном биографическом нарративе археологическая личность – тоже желанная, нужная деталь, по крайней мере, как посмертная периферия, как жизнь замечательного человека, длящаяся в истории его останков. Здесь легко увидеть аналогию со средневековой моделью, житием, где облик кончины и посмертные события занимают непропорционально много места, где сама смерть не прерывает, а напротив, активизирует и оживляет жизнеописание, а дальнейшее развитие становится оправданием, главным содержанием оставленной позади жизни. Значительную, если не центральную, роль при этом играл сам поиск [35. С. 269–273; 36. Р. 80–104; 37. С. 95–98]. Примеры хорошо известны и в отечественной, и в зарубежной историографии – достаточно напомнить историю с «костями Данте» [38. Р. 166–190], недавним открытием погребения Ричарда III [39], а из не

столь знаменитых, но близких нам сюжетов – новые надгробия иноземцев [40] и останки бояр Романовых и Черкасских в Новоспасском монастыре [41, 42].

Методическая особенность археологической работы по воссозданию личности – коллективность подхода, работа над портретом силами всей мастерской или мультидисциплинарной группой (ее задача – найти и применить в анализе так много антропологических, биологических, физико-химических и иных методов и технологий, как возможно). Массовость материала обеспечивает «антропологизацию вещей», прежде всего одежды и обуви [43], этих истинных слепков с идентичности, часто неотделимых от нее, а также и других личных вещей (оружия, украшений, посуды).

Археологическая личность всегда фрагментарна. Несмотря на сложную и многостороннюю работу по восстановлению, осколки биографий собираются не полностью, и часто рисуют персонажи односторонне

до гротеска, как на кладбище казненных в Силезии [44]. Но эти детали достоверны.

Здесь обозначены далеко не все направления поиска. Внимания заслуживает, например, подход к изложению полученных результатов. Им нужно заняться хотя бы потому, что свойство биографического жанра – его исключительная привлекательность для любого читателя: фундаментальные труды, если они посвящены историческим личностям, большая часть общества охотно воспринимает без адаптации. Потребуется и разработка приемов встраивания археологической личности в исторический нарратив. Стоит задуматься и над мерой объективности в подборке материала для формирования археологической личности, его сопоставимости с традиционными источниками. Все это сложные (и старые) вопросы исторической методологии, которые пока остаются в стороне.

СОКРАЩЕНИЯ

КСИА – Краткие сообщения Института археологии; РА – Российская археология; СЛ – Средневековая личность в письменных и археологических источниках [1].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Напомню, что, обозначая глубокое прошлое, Сократ употребляет слово «археология».

² Общее воскрешение людей прошлого, как известно, догмат христианства и близких ему направлений философии, определяющих через него конечную цель научного познания (*nec plus ultra* – учение Николая Федорова).

³ Включение в оборот огромного количества разнородных по характеру источников, которые проходят обработку в едва касающихся друг друга областях науки, недоступных для критики археолога, рождает острые вопросы методов анализа при соединении «фактов», получаемых историком, археологом и естествоиспытателем. Но это особая проблема, которая здесь не рассматривается.

⁴ Для памятника такая идентификация оказывается чрезвычайно важной, поскольку обогащает археологический контекст и укрепляет идентификацию слоев и сооружений Фанагории, менее богатых надписями.

⁵ Возникает парадокс: объективный, по сути, материал в ходе первичного изучения производит наиболее субъективный из всех видов исторических источников археологический отчет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Средневековая личность в письменных и археологических источниках : материалы междунар. науч. конф. М. : Ин-т археологии РАН ; Институт российской истории РАН, 2016. 245 с.
2. Платон. Гиппий Большой // Полное собрание творений Платона : в 15 т. / пер. А.В. Болдырева. Л. : Academia, 1924. Т. IX.
3. Вейнберг И.П. Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н.э. М. : Вост. лит., Еврейский университет в Москве, 1993. 352 с.
4. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. Л. : Изд-во ЛГУ, 1947. 346 с.
5. Bioarchaeology: the contextual analysis of human remains / eds J.E. Buikstra, L.A. Beck. Amsterdam : Elsevier, 2006. 606 p.
6. Кузнецов В.Д. Фанагория: история исследования и новые находки // РА. 2007. № 2. С. 155–172.
7. Плутарх. Сравнительные жизнеописания / пер. Г.А. Стратановского. М. : Наука, 1964. Т. 2.
8. Аппиан. Митридатовы войны. Сирийские дела / пер. и ком. С.П. Кондратьева // Вестник древней истории. 1946. № 4. С. 229–317.
9. Беляев Л.А. Белокаменные надгробия церкви Ильи Пророка в селе Кожино Гороховецкого района // Гороховецкий сборник / под ред. академика Н.А. Макарова. Москва ; Гороховец, 2017, в печати.
10. Савельев Н.И., Беляев Л.А. «Возобновленные» надгробия в Высоко-Петровском монастыре (г. Москва) и восприятие личности в XV–XVII веках // Средневековая личность в письменных и археологических источниках : материалы междунар. науч. конф. М., 2016. С. 188–192.
11. Николаева Т.В. Новые находки на территории Загорского государственного музея-заповедника, 1957 // Советская археология. 1957. № 1. С. 251–255.
12. Гиршберг Б.В. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Вып. I. С. 6–7.
13. Беляев Л.А., Романов Н.С., Шлионская Л.И. Надгробия игуменни Елены Девочкиной и схимницы Феофании в Новодевичьем монастыре // РА. 2010. № 2. С. 156–165.
14. Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996. С. 32–33.
15. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1 : А–К. СПб., 1893.
16. Усачев А.С. О некоторых случаях «горизонтальной мобильности» иноков-писцов в России XVI века // Румянцевские чтения–2017. М., 2017. Ч. 2. С. 210–213.
17. Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы (конец XIII–XV в.) по данным археологии. М. : Институт археологии РАН, 1994. 458 с.
18. Археология исторических некрополей: методика, открытия, проблемы восстановления // Археология и общество : Вторая ежегодная конференция. М., 2015.
19. Беляев Л.А. Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии. 2011 (Методика полевых археологических исследований). М. : Институт археологии РАН, 2011. Вып. 5. 56 с.

20. Беляев Л.А. Некрополь Данилова монастыря в XVIII–XIX веках: историко-археологические исследования (1983–2008). М. : Даниловский благовестник; Институт археологии РАН, 2012. 504 с.
21. Энговатова А.В., Медникова М.Б., Добровольская М.В. и др. Исследование некрополя Духовной академии в 2014 году // Археология Подмосквья : материалы науч. семинара. М. : Институт археологии РАН, 2016. Вып. 12. С. 383–397.
22. Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов / отв. ред. А.Е. Петров, В.А. Шнирельман. М. : Институт археологии РАН, 2011. 382 с.
23. Ивакин Г.Ю. Некрополь церкви Спаса на Берестове в Киеве и «погребение Юрия Долгорукого» // РА. 2008. № 2. С. 107–117.
24. Beljaev, Leonid A. Andrej Rublev: the Invention of a Biography // L' artista a Bizancio e nel mondo cristiano-orientale. A cura di Michele Bacci. Pisa, 2007. P. 117–134.
25. Беляев Л.А. Три жизни Андрея Рублева: к проблеме реконструкции средневековой личности // СЛ. 2016. С. 40–46.
26. Петров А.Е., Беляев Л.А., Бужилова А.П. Между наукой и областной администрацией: опыт фальсификации останков Ивана Сусанина с помощью заданной интерпретации археологических и судебно-криминалистических исследований // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М., 2011. С. 163–179.
27. Беляев Л.А. Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М. : Институт археологии РАН; Нестор-Традиция, 2013. 264 с.
28. Лаврентьев А.В. Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVII вв., их создатели и владельцы. М. : Русский издательский центр, 1997. 254 с.
29. Беляев Л.А., Глазунова О.Н. Маркёры Запада: новые элементы европейской художественной и технологической традиции в археологических материалах Ново-Иерусалимского монастыря // «Традиции и инновации в истории и культуре»: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук / отв. ред.: А.П. Деревянко, В.А. Тишков. М. : Отделение историко-филологических наук РАН, Институт этнологии и антропологии РАН, 2015. [620 с.]. С. 147–154.
30. Беляев Л.А. Фляжка из Нового Иерусалима и ее европейские параллели // Живая старина. 2014. № 4. С. 2–5.
31. Макаров Н.А., Гайдуков П.Г., Седов В.В., Бейлекчи В.В. Печать константинопольского патриарха Афанасия из переславского Спасо-Преображенского собора // РА. 2015. № 4. С. 196–201.
32. Беляев Л.А. Из глубины веков // Наука в России. М., 2010. № 6. С. 58–67.
33. Курмановский В.С., Савельев Н.И., Беляев Л.А. Сколько у нас Юрьев? Ономастический комментарий к берестяной грамоте Москва-4/2015 // СЛ. 2016. С. 121–124.
34. Клейн Л.С. Археологические источники : учеб. пособие. Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. 120 с.
35. Беляев Л.А. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. М. : Открытое общество, 1998. 576 с.
36. Schnapp A. The Discovery of the Past: The Origins of Archaeology. British Museum Press, 1996. 384 p.
37. Клейн Л.С. История археологической мысли. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2011. Т. 1. 688 с.
38. Moore E. Studies in Dante. Fourth Series. N.Y. : Haskell House P. Ltd, 1968.
39. Pitts M. Digging for Richard III: How Archaeology Found the King. London : Thames and Hudson, 2014.
40. Беляев Л.А. Новые плиты иноземцев XVII века в Москве: предварительная публикация // КСИА. М., 2015. № 240. С. 223–232.
41. Беляев Л.А., Елкина И.И. «Усыпальница Романовых» в Знаменской церкви Новоспасского монастыря: работы 2014 г. // КСИА. 2016. Вып. 245, ч. II. С. 131–150.
42. Медникова М.Б., Беляев Л.А., Елкина И.И., Тарасова А.А., Загвоздин В.П. Комплексное биоархеологическое исследование женского погребения в белокаменном склепе Новоспасского монастыря // КСИА. 2016. Вып. 245, ч. II. С. 182–200.
43. Осипов Д.О. Обувь московской земли XII–XVIII вв.: Материалы охранных археологических исследований. М. : Институт археологии РАН, 2006. Т. 7. 202 с.
44. Obdulowicz L., Pokutta D.A. The graves of criminals in Renaissance Poland. Archaeological excavations of Modern Age cemetery in Gliwice Dworcowa Street, Upper Silesia // Śląskie Sprawozdania Archeologiczne. Wrocław, 2014. T. 56. S. 313–341.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 июня 2017 г.

HISTORICAL PERSONS IN THE MIRROR OF ARCHEOLOGY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 422, 82–90.

DOI: 10.17223/15617793/422/12

Leonid A. Belyaev, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: labelaev@bk.ru

Keyword: historical person; microhistory; epigraphy; anthropology; archaeological identification; source study.

The paper aims to determine the features of archaeological research in the field of historical studies of our predecessors. For the last quarter of the century the research ability in this field has been growing significantly. It allowed shifting the emphasis of history to “common” people rather than historical persons. The number of archaeological works on necropolises has appreciably increased since Early Modern monuments have been recognized as objects of archeology. Progress has been achieved in natural sciences, firstly, in bio-anthropology. Traditional methods using the “anthropology of things”, epigraphy and other special historical disciplines are developing as well. This made the author think about the features of archaeologists’ approach and their perception of historical persons. The material represents the author’s observations over the area of reconstruction of characters of the past, both well-known historical persons and “common” people of “microhistory”. A brief overview of these works, including characteristic features, is given as following: the epigraphic story from the gravestone of Hypsicratea, wife of Mithradates from the polis of Phanagoria; the gravestones of the 16th–17th centuries recently unearthed in Moscow (in 2010), which “repeated” the inscriptions on the slabs of foreigners in the Vysoko-Petrovsky Monastery; research on cemeteries of the 18th–19th centuries (burials of Archbishop Nikifor Feotokis and writer Nikolai Gogol in the Danilov Monastery in Moscow; professors and students of the Theological Academy in the Trinity Sergius Lavra). In addition to archaeological identification and reconstruction of biographies based on anthropological expertise, there are given examples of a person’s reflection in material items (artifacts from the Resurrection Monastery in the town of New Jerusalem associated with Patriarch Nikon’s activities; findings of the 14th century from the Alekseevsky Monastery, indicating its connection to St. Alexei the Metropolitan) and others. The conclusions are formulated as a series of theses, pointing to features of “archaeological persons” as fragmentary ones and, at the same time, closely related to the research context, to methods used by a researcher and to history of research. “Archaeology of a person” appears, mainly, as a supplier of new written and visual evidence (epigraphic, numismatic, sphragistic, iconic and, more rarely, epistolary, for example, in a form of birch bark letters). Yet this is not its most exclusive part. A more important fact is that archeology is responsible for a critical analysis of the item’s context, its dating and preliminary criticism of the text itself. The main property of an archaeological person is its difference from a traditional historical and psychological portrait. This person is fragmentary, but firmly inscribed into the context. It is always a part of a material structure,

from its natural environment to the world of artifacts. It is reflected in items, structures and bio-anthropological analyses, which form one's individual and social "portrait". Due to this, genealogy and prosopography elements appear even among nameless graves (most graves up to the 20th century are nameless Russia). Another important feature of an "archaeological person" is that after detection and identification, it becomes a kind of their imprint. Moreover, sometimes a characteristic of such "personality" is limited only by this specific source. However, if the same research is applied to a well-known historical person, it can form an important addition to one's biography, and even become a bright part of one's posthumous life (Dante Alighieri, Nikolai Gogol and many others).

REFERENCES

1. Belyaev, L.A. & Rogozhin, N.M. (eds) (2016) *Srednevekovaya lichnost' v pis'mennykh i arkhologicheskikh istochnikakh* [Medieval person in written and archaeological sources]. Proceedings of the international conference. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences.
2. Plato. (1924) Gippiy Bol'shiy [Hippias Major]. In: *Polnoe sobranie tvoreniy Platona: v 15 t.* [Complete collection of the works of Plato: in 15 vols]. Translated from Old Greek by A.V. Boldyrev. Vol. 9. Leningrad: Academia.
3. Veynberg, I.P. (1993) *Rozhdenie istorii. Istoricheskaya mysl' na Blizhnem Vostoke serediny I tysyacheletiya do n.e.* [The birth of history. Historical thought in the Middle East in the middle of the I millennium BC]. Moscow: Vostochnaya literatura, Hebrew University in Moscow.
4. Romanov, B.A. (1947) *Lyudi i nruvy Drevney Rusi. Istoriko-bytovye ocherki XI–XIII vv.* [People and customs of Ancient Russia. Historical and everyday essays of the 11th–13th centuries]. Leningrad: Leningrad State University.
5. Buikstra, J.E. & Beck, L.A. (eds) (2006) *Bioarchaeology: the contextual analysis of human remains*. Amsterdam: Elsevier.
6. Kuznetsov, V.D. (2007) Fanagoriya: istoriya issledovaniya i novye nakhodki [Phanagoria: history of research and new findings]. *RA – Russian Archeology*. 2. pp. 155–172.
7. Plutarch. (1964) *Sravnitel'nye zhizneopisaniya* [Comparative biographies]. Translated from Old Greek by G.A. Stratanovskiy. Vol. 2. Moscow: Nauka.
8. Appian. (1946) Mitridatovy voyny. Siriyskie dela [The Mithridatic Wars. Syrian Wars]. Translated from Old Greek by S.P. Kondrat'ev. *Vestnik drevney istorii*. 4. pp. 229–317.
9. Belyaev, L.A. (2017) Belokamennye nadgrobiya tserkvi II'i Proroka v sele Kozhino Gorokhovetskogo rayona [White-stone tombstones of the Church of Elijah the Prophet in the village of Kozhino, Gorokhovets district]. In: Makarov, N.A. (ed.) *Gorokhovetskiy sbornik* [Gorokhovets collection]. Moscow; Gorokhovets. (In print).
10. Savel'ev, N.I. & Belyaev, L.A. (2016) ["Renewed" tombstones in the High-Petrovsky Monastery (Moscow) and the perception of a person in the 15th–17th centuries]. *Srednevekovaya lichnost' v pis'mennykh i arkhologicheskikh istochnikakh* [Medieval person in written and archaeological sources]. Proceedings of the international conference. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. pp. 188–192. (In Russian).
11. Nikolaeva, T.V. (1957) Novye nakhodki na territorii Zagorskogo gosudarstvennogo muzeya-zapovednika, 1957 [New findings on the territory of the Zagorsk State Museum-Reserve, 1957]. *Sovetskaya arkhologiya*. 1. pp. 251–255.
12. Girshberg, B.V. (1960) Materialy dlya svoda nadpisey na kamennykh plitakh Moskvy i Podmoskov'ya XIV–XVII vv. [Materials for the arch of inscriptions on the stone slabs of Moscow and Moscow region of the 14th–17th centuries]. *Numizmatika i epigrafika*. 1. pp. 6–7.
13. Belyaev, L.A., Romanov, N.S. & Shlionskaya, L.I. (2010) Gravestones of hegumeness Elena Devochkina and nun Theophania in the Novodevichiy Convent. *RA – Russian Archeology*. 2. pp. 156–165. (In Russian).
14. Belyaev, L.A. (1996) *Russkoe srednevekovoe nadgrobie. Belokamennye plity Moskvy i Severo-Vostochnoy Rusi XIII–XVII vv.* [Russian medieval tombstone. White-stone slabs of Moscow and North-Eastern Russia of the 13th–17th centuries]. Moscow: Modus-Graffiti.
15. Sreznevskiy, I.I. (1893) *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian language from written monuments]. Vol. 1: A–K. St. Petersburg: Otd-nie rus. yaz. i slovesn. Imp. AN.
16. Usachev, A.S. (2017) [On some cases of "horizontal mobility" of scribal monks in Russia in the XVI century]. *Rumyantsevskie chteniya–2017* [Rumyantsev readings–2017]. Proceedings of the conference. Vol. 2. Moscow: Pashkov dom. pp. 210–213.
17. Belyaev, L.A. (1994) *Drevnye monastyri Moskvy (konets XIII–XV v.) po dannym arkhologii* [Ancient monasteries of Moscow (late 13th–15th centuries) according to archeology]. Moscow: Institute of Archeology of RAS.
18. Zadornov, A. et al. (eds) (2015) [Archeology of historic necropolises: methods, discoveries, problems of restoration]. *Arkhologiya i obshchestvo* [Archeology and society]. Proceedings of the second annual conference. Moscow: Institute of Archeology of RAS. pp. 7–12. (In Russian).
19. Belyaev, L.A. (2011) *Opyt izucheniya istoricheskikh nekropoley i personal'noy identifikatsii metodami arkhologii* [The experience of studying historical necropolises and personal identification methods of archeology]. Moscow: Institute of Archeology of RAS.
20. Belyaev, L.A. (2012) *Nekropol' Danilova monastyrya v XVIII–XIX vekakh: istoriko-arkheologicheskie issledovaniya (1983–2008)* [Necropolis of the Danilov Monastery in the 18th–19th centuries: historical and archaeological research (1983–2008)]. Moscow: Danilovskiy blagovestnik; Institute of Archeology of RAS.
21. Engovatova, A.V. et al. (2016) [Study of the necropolis of the Theological Academy in 2014]. *Arkhologiya Podmoskov'ya* [Archeology of the Moscow region]. Proceedings of the seminar. Vol. 12. Moscow: Institute of Archeology of RAS. pp. 383–397.
22. Petrov, A.E. & Shnirel'man, V.A. (eds) (2011) *Fal'sifikatsiya istoricheskikh istochnikov i konstruirovaniye etnokraticeskikh mifov* [Falsification of historical sources and the construction of ethnocentric myths]. Moscow: Institute of Archeology of RAS.
23. Ivakin, G.Yu. (2008) Nekropol' tserkvi Spasa na Berestove v Kieve i "pogrebenie Yuriya Dolgorukogo" [Necropolis of the Church of the Savior on Berestov in Kiev and the "burial of Yuri Dolgoruky"]. *RA – Russian Archeology*. 2. pp. 107–117.
24. Beljaev, L.A. (2007) Andrej Rublev: the Invention of a Biography. In: Bacci, M. (ed.) *L'artista a Bizancio e nel mondo cristiano-orientale* [The artist in Byzantium and in the Christian-Oriental world]. Pisa.
25. Belyaev, L.A. (2016) Tri zhizni Andreya Rubleva: k probleme rekonstruktsii srednevekovoy lichnosti [Three lives of Andrei Rublev: to the problem of the reconstruction of the medieval person]. In: Belyaev, L.A. & Rogozhin, N.M. (eds) *Srednevekovaya lichnost' v pis'mennykh i arkhologicheskikh istochnikakh* [Medieval person in written and archaeological sources]. Proceedings of the international conference. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences.
26. Petrov, A.E., Belyaev, L.A. & Buzhilova, A.P. (2011) Mezhdru naukoj i oblastnoy administratsiey: opyt fal'sifikatsii ostankov Ivana Susanina s pomoshch'yu zadannoy interpretatsii arkhologicheskikh i sudebno-kriminalisticheskikh issledovaniy [Between science and the regional administration: the experience of falsifying the remains of Ivan Susanin with the help of a given interpretation of archaeological and forensic studies]. In: Petrov, A.E. & Shnirel'man, V.A. (eds) *Fal'sifikatsiya istoricheskikh istochnikov i konstruirovaniye etnokraticeskikh mifov* [Falsification of historical sources and the construction of ethnocentric myths]. Moscow: Institute of Archeology of RAS.
27. Belyaev, L.A. (2013) *Rodovaya usypal'nitsa knyazey Pozharskikh i Khovanskikh v Spaso-Evfimievom monastyre Suzdalya: 150 let izucheniya* [The family burial vault of Princes of Pozharsky and Khovansky in the Spaso-Evfimiev Monastery of Suzdal: 150 years of study]. Moscow: Institute of Archeology of RAS; Nestor-Traditsiya.
28. Lavrent'ev, A.V. (1997) *Lyudi i veshchi. Pamyatniki russkoy istorii i kul'tury XVI–XVII vv., ikh sozdateli i vladel'tsy* [People and things. Monuments of Russian history and culture of the 16th–17th centuries, their creators and owners]. Moscow: Russkiy izdatel'skiy tsentr.

29. Belyaev, L.A. & Glazunova, O.N. (2015) Markery Zapada: novye elementy evropeyskoy khudozhestvennoy i tekhnologicheskoy traditsii v arkheologicheskikh materialakh Novo-Ierusalimskogo monastyrya [Markers of the West: new elements of the European artistic and technological tradition in the archaeological materials of the New Jerusalem Monastery]. In: Derevyanko, A.P. & Tishkov, V.A. (eds) *“Traditsii i innovatsii v istorii i kul'ture”: programma fundamental'nykh issledovaniy Prezidiuma Rossiyskoy akademii nauk* [“Traditions and Innovations in History and Culture”: a program of fundamental research of the Presidium of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Department of Historical and Philological Sciences of RAS, Institute of Ethnology and Anthropology of RAS.
30. Belyaev, L.A. (2014) Flyazhka iz Novogo Ierusalima i ee evropeyskie paralleli [A flask from the New Jerusalem and its European parallels]. *Zhivaya starina*. 4. pp. 2–5.
31. Makarov, N.A., Gaydukov, P.G., Sedov, V.I. & Beylekchi, V.V. (2015) Pechat' konstantinopol'skogo patriarkha Afanasiya iz pereslavskogo Spaso-Preobrazhenskogo sobora [The seal of the Patriarch of Constantinople, Athanasius, from the Pereslavl Savior-Transfiguration Cathedral]. *RA – Russian Archeology*. 4. pp. 196–201.
32. Belyaev, L.A. (2010) Iz glubiny vekov [From the depth of centuries]. *Nauka v Rossii*. 6. pp. 58–67.
33. Kurmanovskiy, V.S., Savel'ev, N.I., & Belyaev, L.A. (2016) Skol'ko u nas Yur'ev? Onomasticheskiy kommentariy k berestyanoy gramote Moskva-4/2015 [How many Yurys do we have? Onomastic commentary to a birchbark document Moskva-4/2015]. In: Belyaev, L.A. & Rogozhin, N.M. (eds) *Srednevekovaya lichnost' v pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikakh* [Medieval person in written and archaeological sources]. Proceedings of the international conference. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences.
34. Kleyn, L.S. (1978) *Arkheologicheskie istochniki* [Archaeological sources]. Leningrad: Leningrad State University.
35. Belyaev, L.A. (1998) *Khristianskie drevnosti. Vvedenie v sravnitel'noye izucheniye* [Christian antiquities. Introduction to comparative study]. Moscow: Otkrytoye obshchestvo.
36. Schnapp, A. (1996) *The Discovery of the Past: The Origins of Archaeology*. London: British Museum Press.
37. Kleyn, L.S. (2011) *Istoriya arkheologicheskoy mysli* [History of archaeological thought]. Vol. 1. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
38. Moore, E. (1968) *Studies in Dante*. Fourth Series. New York: Haskell House P. Ltd.
39. Pitts, M. (2014) *Digging for Richard III: How Archaeology Found the King*. London: Thames and Hudson.
40. Belyaev, L.A. (2015) New gravestones of deceased foreigners in the 17th century in Muscovy: preliminary publication. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (KSI)*. 240. pp. 223–232.
41. Belyaev, L.A. & Elkina, I.I. (2016) The Romanov family tomb in the Church of the Holy Spirit in the Novospassky Monastery: 2014 excavations. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (KSI)*. 245:II. pp. 131–150. (In Russian).
42. Mednikova, M.B. et al. (2016) A comprehensive Bioarchaeological study of the female grave in a white-stone vault of the Novospassky Monastery. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (KSI)*. 245:II. pp. 182–200. (In Russian).
43. Osipov, D.O. (2006) Obuv' moskovskoy zemli XII–XVIII vv.: Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy [Shoes of the Moscow land of the 12th–18th centuries: Materials of security archaeological research]. Vol. 7. Moscow: Institute of Archeology of RAS.
44. Obtulowicz, L. & Pokutta, D.A. (2014) The graves of criminals in Renaissance Poland. Archaeological excavations of Modern Age cemetery in Gliwice Dworcowa Street, Upper Silesia. *Śląskie Sprawozdania Archeologiczne*. 56. pp. 313–341.

Received: 07 June 2017